

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МЕТОДИКА
ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МЕТОДИКА ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Выпуск 10

Редакционная коллегия серии

член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков (председатель),
к. и. н. К. Н. Гаврилов, к. и. н. В. Ю. Коваль,
д. и. н. А. Р. Канторович, д. и. н. Н. А. Кренке, к. и. н. Н. В. Лопатин,
д. и. н. А. А. Масленников (зам. председателя), д. и. н. М. В. Шуньков,
к. и. н. А. В. Энговатова (зам. председателя)

Москва, 2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Ю. Ю. Моргунов

К МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ВАЛОВ
ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДИЩ

Москва, 2019

УДК 902/904
ББК 63.4
М79

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

д. и. н. А. А. Масленников

РЕЦЕНЗЕНТЫ

член-корр. РАН д. и. н. П. Г. Гайдуков,
к. и. н. И. Ю. Стрикалов

Моргунов Ю. Ю. К методике изучения валов древнерусских городищ. М.: ИА РАН, 2019. 32 с.: ил. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 10) ISBN 978-5-94375-273-5

Изучение валов древнерусских городов составляет существенную сложность при археологических раскопках, поскольку такие работы проводятся нечасто. В методическом пособии показан опыт фиксации структур, открываемых при исследовании валов, и обоснована интерпретация этих сооружений в качестве руин древо-земляных стен. Автор пособия Ю. Ю. Моргунов (1947–2018) значительную часть своей жизни посвятил изучению этих сооружений и отработке методики раскопок валов. К сожалению, ему не удалось полностью завершить свой труд, однако данное пособие представляется законченным этапом его работы, позволяющим не только методически правильно организовать процесс раскопок в поле, но столь же верно интерпретировать полученные результаты.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-273-5
DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-273-5

© Моргунов, наследники, 2019
© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2019

Предисловие

Методическое пособие «К методике изучения валов древнерусских городищ» подготовлено доктором исторических наук Юрием Юрьевичем Моргуновым (1947–2018) – ведущим специалистом по истории древнерусской фортификации, одним из лучших полевых исследователей этого специфического вида археологических объектов, изучению которых он посвятил большую часть своей научной жизни, в том числе и свою докторскую диссертацию «Фортификация Южной Руси X–XIII вв.», защищенную в 2007 году.

К нашему прискорбию, Юрий Юрьевич ушел из жизни, не закончив работу над этим пособием, в котором автор обобщил свою многолетнюю практику полевых исследований.

Опыт Ю. Ю. Моргунова и его методические разработки, судя по соответствующим разделам его научных трудов, посвященных изучению древнерусской фортификации, намного шире и глубже, чем представленные в пособии выводы. Это касается, прежде всего, не самих конкретных методических рекомендаций для полевых исследований оборонительных сооружений, а подходов к интерпретации результатов раскопок. Среди наиболее значимых методов работы с материалами раскопок валов достаточно назвать лишь несколько. Отметим оригинальную методику разделения массива напластований вала на строительные горизонты. Она включает специфические приемы определения границ между разными «строительными ярусами» оборонительных древо-земляных стен, разделение каждого из таких горизонтов на остатки отдельных руинированных элементов конструкций, на сохранившиеся в первозданном виде и разрушенные части этих элементов, на массивы, сформировавшиеся под воздействием деструктивных природных процессов и сознательно разрушенные строителями каждого последующего этапа. Ю. Ю. Моргунов в своих работах особое внимание уделил и самим приемам археологической интерпретации сохранившихся и разрушенных элементов конструкций. Заслуживает внимания и авторская методика расчета объемов затраченного грунта при возведении древо-земляных сооружений и определения на этой основе процедуры и места выборки грунта.

Перечисленные методические решения четко сформулированы автором пособия в его наиболее фундаментальных трудах, таких как упомянутая выше докторская диссертация, а также монографии – «Сампсониев Остров: пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв.» (М., 2003); «Древо-земляные

укрепления Южной Руси X–XIII веков» (М., 2009); «Летописный город Снепород и его округа X–XIII вв.» (СПб., 2012) – и ряде других работ автора.

Эти, казалось бы, на первый взгляд не связанные с полевыми исследованиями разработки Ю. Ю. Моргунова на самом деле очень важны и должны учитываться уже на этапе раскопок, и даже при выборе участков планируемых работ, поскольку от осознания задач и возможностей источника, от корректно поставленных перед ним вопросов напрямую зависит научный результат исследования. Полевому исследователю в кабинете уже не удастся восстановить особенности стратиграфии разреза и соотнести их с планиграфией раскопа, если он «в поле» не будет себе четко представлять, на что следует обращать внимание и что необходимо фиксировать для последующей интерпретации, какие процессы могли вызвать тот или иной результат, сохранившийся в руинах древо-земляных стен древнерусских городов. В этой связи следует заметить, что исследователь должен стремиться уже на полевом этапе руководствоваться четкой систематизацией фиксируемых особенностей заполняющего грунта (как в сравнении с исходными почвенными горизонтами, так и с их видоизменением при перемещении в процессе строительства) и опираться на классификацию самих строительных приемов и природных процессов, отраженных в фиксируемых особенностях остатков элементов древо-земляной конструкции.

Примеров малоинформативных разрезов валов, которые были проведены без такого предварительного анализа, «наскоком», можно привести множество, и нет смысла их перечислять. Достаточно сказать, что именно осознанный, выработанный многолетней практикой, подход позволил Ю. Ю. Моргунову, при довольно большом накопленном материале из раскопок предшественников, впервые довольно четко и однозначно сформулировать постулат о сложной конструкции большей части, а возможно, и практически всех валов – остатков стен городов Руси X–XIV вв., и аргументированно доказать несостоятельность тезиса о широком использовании простых валов (без внутренних конструкций) в древнерусское время.

Как и всякая наука, археология фортификации не дает окончательных ответов на вопросы, она признает, что научное исследование – это только путь к истинному знанию, что и иллюстрирует приведенный пример. Несомненно, интерпретации автора также не охватывают всего многообразия реально существовавших приемов оборонительного строительства в Древней Руси, но авторские выводы являются шагом на этом пути, а его методические разработки служат важным инструментом в поиске новых знаний.

И. Ю. Стрикалов

Введение

Раскопки валов древнерусских городищ чаще всего применялись для исследования конструктивных особенностей крепостных сооружений разного уровня. Возможно, удовлетворительная изученность основных типов защитных конструкций повлияла на то обстоятельство, что в последние десятилетия наблюдается определенный спад интереса к раскопкам валов. Действительно, эти весьма трудоемкие работы не сулят множества находок, а при отсутствии следов пожарищ обнаружение доступных для реконструкции следов крепостных стен проблематично. Не последнюю роль играет и сокращение финансирования полевых исследований – порой оно заставляет форсировать работы и с помощью металлодетекторов искать наиболее богатые находками участки напластований.

Менее известно о том, что разрезы окружавших города и поселения насыпей способствуют уточнению времени, когда в связи с различными обстоятельствами населению понадобилось оградить поселение тем, что в литературе именуется крепостными стенами. Кроме того, изучение валов позволяет обнаружить фазы конструктивных мероприятий, но эти факторы нередко упускаются из виду. Можно привести множество примеров датирования городищ исключительно по совокупности укрытых за стенами остатков сооружений и найденного там инвентаря. В подобных случаях исследователи произвольно «назначают» время появления крепости с опорой на осязаемое увеличение количества и качества найденных артефактов, но оставляют за скобками стратиграфию остатков стен и их вещевое наполнение. Между тем «огораживание» поселений обычно предшествовало их расцвету, что, впрочем, в отдельных случаях не исключает и обратного явления.

Но ниже речь пойдет не об этом. Первичным мотивом этого беглого обзора является перечисление чаще всего встречающихся конструктивных особенностей остатков бревенчатых внутривальных сооружений. В свое время этой проблематике были посвящены значительные усилия уважаемых предшественников. Но и это не самоцель, а основание для оценки накопившихся методических наработок, касающихся первичной информации о времени возведения крепостных сооружений и значимых этапов их реконструкций. Основой работы стали достаточно хорошо изученные южнорусские материалы. Это не случайно: именно в Южной Руси нашли первое применение лучшие достижения зарубежного фортификационного опыта, которые затем прошли нелегкий путь адаптации к местным материалам и строительным традициям.

Историография вопроса

Валы древнерусских городищ периодически вскрывали на протяжении около полутора сотен лет, но качественно новый уровень их изучения заслуженно связывают с именем П. А. Раппопорта. Он широко применял частичную прорезку их внутренних вальных склонов: это позволяло даже на стадии разведок стратиграфически отделять «догородищенские» напластования от культурного слоя, образовавшегося после возведения крепостных стен. Этому анализу помогал и отработанный им способ датировки городищенских напластований по сочетанию типологических групп круговой керамики (*Раппопорт*, 1954. С. 185). Эти новации опередили свое время и не сразу были оценены современниками. Тем не менее они легли в основу нового этапа в изучении укрепленных поселений, во многом связанного с именем А. В. Кузы, настаивавшего на непригодности суммарной датировки возникновение укреплений по всему объему полученных материалов. Особо неприемлемой была нередко применявшаяся в то время датировка памятников по подъемному материалу: их исследователь относил не к датированным, а лишь к «археологически известным» (*Куза*, 1996. С. 22).

Существенную поправку в прежние представления внес и М. П. Кучера – ведущий исследователь южнорусских городищ. Оказалось, что основным защитным звеном в составе крепостных стен были не трехстенные, а четырехстенные бревенчатые срубы с плотной грунтовой засыпкой¹ (*Кучера*, 1969. С. 180–195). В дальнейшем ученый блестяще совмещал интерес к городищам с исследованиями «змиевых валов» Среднего Поднепровья, по сути вводя в литературу сведения о неизвестном ранее фортификационном источнике. Их многочисленные разрезы показали, что это руины протяженных древо-земляных стен, конструктивно сравнимых с крепостными (*Кучера*, 1987. С. 123–128, 155–160). В 70–80-е годы автором этой работы под руководством А. В. Кузы было продолжено разведочное изучение городищ Посулья. Его основой стали прорезки внутренних склонов городищенских валов. Но на этот раз основное внимание уделялось точной фиксации датирующих обломков керамических венчиков и их связи со стратиграфией разрезов (*Моргунов*, 1996).

Сохранность следов укреплений и их древний облик

Известно, что возможность определения древнего облика оборонительных сооружений во многом зависит от сохранности остатков их бревенчатых каркасов. В подавляющем большинстве их создавали из влагостойкого дуба, который также менее подвержен и воздействию огня. На практике лучше распознаются участки со сгоревшим или истлевшим деревом, но наилучшие результаты приносит соблю-

¹ Эта работа осталась незамеченной многими российскими исследователями: в литературе и доньше встречается неверное мнение о существовании непрочных трехстенных звеньев крепостных сооружений.

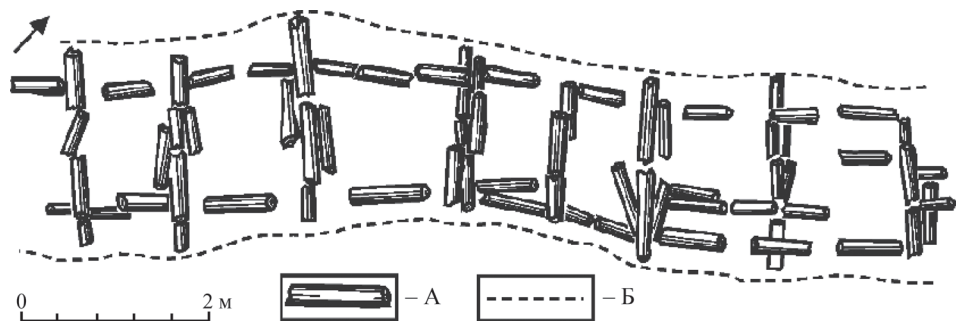

Рис. 1. Стеновые срубы «змеива вала» у с. Вязивок на Суле. А – пятна древесного тлена как обломки бревен; Б – границы следов древесного тлена

дение трех условий. Это тщательность раскопок и точная фиксация датирующих артефактов, а также наблюдение за изменениями цветности грунта: оно нередко заставляет менять послойно-штыковую выборку на тонкие зачистки. Итогом становится сравнение горизонтальных зачисток с вертикальными профилями.

Но и эти усилия не всегда приводят к искомым результатам. Любопытен пример разреза невысокого «змеива вала» у с. Вязивок на Суле, где в песчанистой насыпи прослеживались лишь пятна древесного тлена. Экспериментальные раскопки производились зачистками с инструментальной фиксацией на миллиметровых кальках каждого пятна, превышавшего размеры 5×2 см. Итоговая картина достигалась наложением чертежей: она соответствует 12-метровой цепочке из восьми взаимосвязанных стеновых срубов, «сплюснутых» временем на высоту всего 0,5 м (Моргунов, 2008. С. 87) (рис. 1). Но эта картина не характерна для всей протяженности стен этого типа. Двумя километрами южнее уничтоженный пожаром отрезок этого же укрепления имел иную конструкцию (Кучера, 1987. С. 141. Рис. 114). Это подтверждает сложившееся в литературе представление о том, что соседние участки протяженных укреплений одновременно создавали разноэтничные артели со своими строительными традициями.

Различную сохранность остатков укреплений зафиксировали и раскопки просуществовавшей столетие небольшой крепости Сампсониев Остров на Суле. Ее кольцевидный вал также состоял из проницаемых для атмосферной влаги легких грунтов. Поэтому на большей части периметра бревенчатый каркас фиксировался полосами древесного тлена или вовсе не прослеживался: распознавались там лишь контуры насыпи (рис. 2). Несравненно лучше прослеживалось устройство однажды сгоревшего въезда. А в его южном сегменте, обращенном к защищавшемуся броду, обнаружили следы трех мощных пожарищ и скорых возобновлений оборонительной системы (Моргунов, 2008. С. 88). Подобное нередко встречается и на других памятниках.

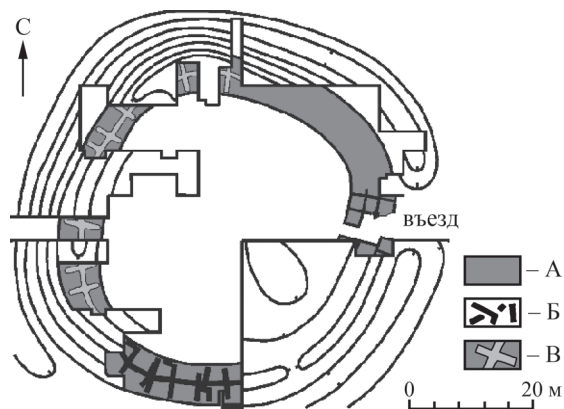

Рис. 2. Сохранность бревенчатых основ в валу городища Сампсониев Остров.
 А – очертания валов; Б – обгоревшие бревна; В – полосы древесного тлена

Давно подмеченная сложность внутривальных устройств породила противоречивые мнения об их изначальном назначении. Одни исследователи придерживались показаний письменных источников XVI–XVII вв. и Нового времени, закрепленных фольклористикой словаря В. И. Даля. Поэтому они принимали крепостные валы за самостоятельные и специально создававшиеся укрепления. Другие отождествляли бревенчатые конструкции с закреплявшими насыпи каркасами, что позволило бы валам служить фундаментами крепостных стен.

Преувеличению защитной значимости валов противоречит то, что вертикали стен обладают неизмеримо более высокими защитными качествами. Этой аксиоме соответствуют летописные данные о применении осадного приема, известного как «приспа» или «примет». Под ним понимают массы грунта, присыпанного осаждающими к городским стенам для облегчения подъема на стены: по сути, это аналогия внешнего склона вала. В подавляющем большинстве ранних летописных сюжетов валы оценивались современниками лишь как топографические ориентиры. Но есть и отдельные примеры упоминаний о валах в качестве «осыпи земляной вместо городка» или «вала разрушенного города». Это соответствует летописному описанию осады Козельска в 1238 г.: там разрушенная камнеметами городская стена обратилась в вал, по которому татары ворвались в город (ПСРЛ. Т. 1. С. 781).

Иной характер имеет не в пример большее количество летописных сведений о крепостных стенах, где указано и множество технических подробностей их конструкции и защитной роли. Следовательно, современники событий считали защитными сооружениями не валы, а стены. Последним «камнем» в направлении гипотезы о защитной значимости валов стали инженерно-технические наработки Г. В. Борисевича, считавшего, что бревенчатые «каркасы» валов не могли укреплять

насыпи. Более того, известные типы домонгольских «крепей» не могли служить и действенной опорой для засыпных стен, воздвигавшихся на гребнях валов (Борисевич, 1987. С. 181; Моргунов, 2011. 99–103).

Анализ разрезов южнорусских «городищенских» валов показал, что в их основаниях прослеживаются лучше или хуже сохранившиеся комплексы остатков двух типов. Первый – это плотные ядра с более или менее вертикальными краями; это важнейшая срубно-засыпная секция крепостной стены. В литературе за ней закрепилось летописное название «городня». Второй – это наслоения с разными углами наклона книзу. Их массовость показывает, что это следы разрушения верхушки городни, если стену не реконструировали. В нижних слоях руин остатки дерева сохраняются лучше: они защищены осыпями от воздействия воздуха и атмосферной влаги. Нередко и выше прослеживается сочетание поставленного на предшествующую сердцевину нового ядра с наклонными шлейфами, но вышележащее дерево сохраняется хуже или вовсе не прослеживается. В мощных валах таких комплексов может быть несколько.

Если подобное истолкование адекватно, то сопоставление известных вальных профилей укладывается в две схемы. Первая – это создание нового города на ранее необжитом месте – первоначальные городни устанавливали на ровную дневную поверхность. В огне пожара или в процессе естественного ветшания² звено стены разрушалось, что заставляло возобновлять укрепления. Для этого их сыпучие компоненты расчищали, формируя боковые «шлейфы», а новые городни ставили на выровненные до горизонтали плотные засыпки прежних срубных секций. И со временем следы каскада последовательных ремонтов и перестроек стен естественным образом руинировались в вальное поперечное сечение. Согласно второй схеме, укрепления возводили на городище одной из предшествующих культур поверх уже существующего вала. Это естественно: для оборонительного зодчества характерно стремление вознести укрепления на любое пригодное для этого возвышение. Применительно к культурам догосударственного периода истории литература не исключает и специальной насыпки валов, в том числе и из стерильного материка. Данная схема требует внимательного изучения напластований и защитных конструкций этих культур: следует опасаться известных в историографии ошибочных случаев интерпретаций предшествующих валов в качестве древнерусских.

Теоретически всё это могло привести к появлению нового фортификационного канона, требующего предварительной насыпки и уплотнения валов, как могли делать в скифское время и действительно делали в позднем Средневековье. Но к настоящему времени мы располагаем единственным исключением из представленной выше картины. Это уникальный для домонгольской фортификации одновременно созданный вал «города Ярослава», построенный приблизительно к 1037 году. Это

² Вероятно, если жизнь поселения продолжалась, до реального обветшания стены дело не доходило: ее начинали обновлять раньше.

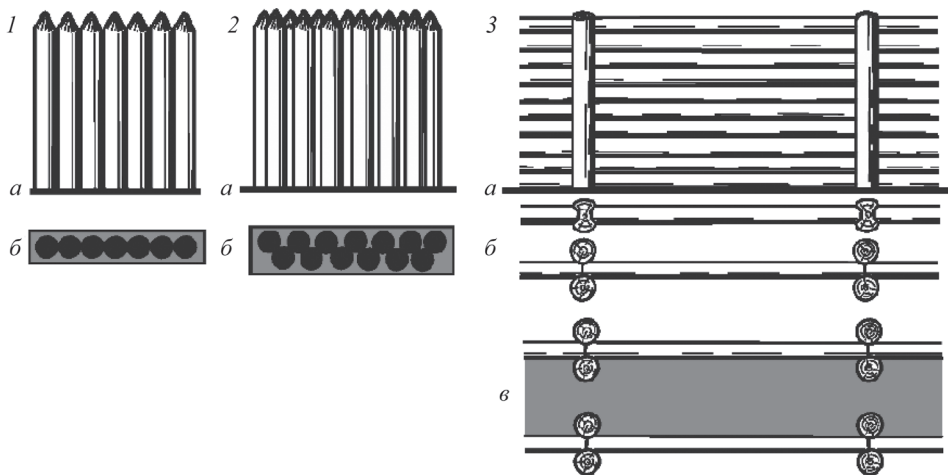

Рис. 3. Столбовые конструкции. 1 – однорядный частокол; 2 – однорядный частокол, устроенный в шахматном порядке; 3 – каркасно-столбовое сооружение (а – фронтальная проекция; б, в – вид сверху)

был возвышавшийся на 12-метровую высоту фундамент для скромной по размерам наземной стены. В отличие от других насыпей, его снабдили уникальным бревенчатым каркасом, по ширине насчитывавшим шесть рядов относительно небольших срубов (Моргунов, 2009. С. 52–110, 262–265).

Конструктивные особенности укреплений домонгольского периода

В VIII–X вв. на позже «освоенных» Русью землях преобладали защитные сооружения двух типов. Так, благодаря простоте воплощения, с глубокой древности основой укреплений являлся ряд вкопанных в землю бревен (рис. 3). От частокола в материке остается узкая канавообразная выемка. Гипотетически подразумевается, что жесткость ряду столбов придавали продольные лаги. Другой, каркасно-столбовой, тип лучше известен по раскопкам жилых построек. Это стена из горизонтально уложенных друг на друга бревен, закрепленных между вертикальными стояками. От нее в материке остаются отиски горизонтальных бревен и ямы от вертикальной крепи. Литературные воззрения не исключают, что их устанавливали и на гребни намеренно насыпанных валов.

Нередки упоминания и о существовании усложненного варианта подобных укреплений этих типов, это две параллельные стены с внутренней грунтовой засыпкой. Они могли быть прочными лишь при скреплении стенок поперечными стяжками, которые препятствовали бы разрушению сооружения. Вероятно, такие

стены недолговечны из-за уплотнения внутренней забутовки и ее разбухания под воздействием осадков и атмосферной влаги, что создавало направленное наружу внутреннее напряжение, осложненное загниванием дерева. Это обстоятельство могло быть причиной появления исключительно высоких напольных валов на городищах роменской культуры летописных северян³. Недолговечность подобных сооружений требовала множества ремонтных циклов даже на протяжении жизни одного поколения, что могло быстро увеличивать высоту валов за счет рассыпания внутренних забутовок. Но вербальная форма упоминаний о применении таких укреплений в древнерусское время настораживает: подробных мне найти не удалось. Свидетельства существования стяжек для рядов частоколов нашлись лишь среди конструктивно близких сооружений скифского времени (*Моруженко, 1975. С. 143; 1985. С. 169*).

Около середины X в., вслед за распространением срубного домостроительства среди славянского населения обоих берегов среднеднепровской лесостепи, начали появляться и укрепления, состоявшие из цепочек засыпных бревенчатых срубов-городней. В свою очередь, столбовые и каркасно-столбовые конструкции теперь применялись как «заплоты» и «остроги» в составе посадских и полевых укреплений. Так, под 1151 и 1161 гг. упоминалось и киевское «столпие», ограждавшее Подол «от горы оли и до Днепра». Поскольку половцы подрубали его непосредственно во время битвы, такое ограждение, несомненно, было существенно менее прочным, чем срубное (*ПСРЛ. Т. 2. С. 428, 515; Морзунов, 2009. С. 235*).

Исторический процесс сложился таким образом, что вплоть до последних десятилетий X в. у молодого государства не было серьезных причин для развития собственной фортификации. И начало печенежской агрессии вызвало спешные поиски путей использования зарубежного опыта, в первую очередь для огораживания внешних пределов части своей территории, фронтально обращенной к противнику, – это неотъемлемая часть общемировой фортификационной традиции. Считается, что памятниками этой защиты были протяженные укрепления, руины которых называют былинным термином «змиевы валы»: их дугообразные линии демонстрируют этапы постепенного расширения государственной территории.

Похоже, что наиболее ранним применением зарубежного опыта были отрезки протяженных стен «крюкового» устройства⁴, типичных для плененных Владимиром Святославичем западных славян: особо многочисленны их польские и восточногерманские

³ И все же полное отрицание вероятности существования ранней практики намеренной насыпки валов было бы преждевременно. К примеру, разрушение простейших видов укреплений не может оставить после себя вальных остатков: защитные свойства скифских и роменских частоколов достаточно эффективны как на ровной поверхности, так и на гребнях насыпей.

⁴ Промежуточные бревна таких конструкций закрепляли поперечинами с естественными крючьями из обрубленных сучьев, откуда и появилось русское название. В польской литературе подобные сооружения именуют «перекладными» и «гаковыми», а в немецкой – «решетчатым» или «ростконструкциями». В свою очередь, срубные сооружения в польской и немецкой литературе именуют «русским типом».

аналогии. В разрезе такая стена имела вид своеобразной стопки, состоявшей из множества уложенных друг на друга накатов; каждый такой слой укладывали перпендикулярно к предшествующему помосту. Бревна каждого наката укладывали с широкими промежутками, которые плотно забивали грунтом, а нижний ряд стволос нередко прикрепляли к земле кольшками (рис. 4: 2). Это однорядный тип подобного строя⁵; в составе «змиевых валов» встречается и более прочный двухрядный тип подобных конструкций, состоящий из двух параллельных краевых кладок, промежутков между которыми плотно забивали вынутым из рва грунтом (Моргунов, 2009. С. 44, 45) (рис. 4: 3).

Другими следами поисков пригодных для Руси оборонительных сооружений являются стены «городов» Владимира Святославича: начало их строительства на приграничных реках обозначено в летописных источниках под 988 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 121). К настоящему времени известно восемь таких городов; часть из них упомянута в источниках между 991 и 996 годами, на других отличительный признак обнаружен археологическими методами. Это мощные панцири из горизонтальных рядов сырцовых кирпичей, снаружи примыкавших к цепочке забутованных материковым суглинком городней (рис. 4: 1). Современная высота кладок насчитывает от 2,5 м в Заречье до 4,0 м в Василеве, где сырцом на высоту 9–10 м был укреплен и обрыв городищенского мыса (*Pannonopt*, 1953. С. 17–24; 1956. С. 77–88).

В целом совершенствование оборонительного комплекса представляется следующим образом. Кроме вышеупомянутых видов крепостных стен, для памятников конца X и частично XI в. характерно применение не взаимосвязанных между собой городней (рис. 5). Ярким примером этого явления считают укрепления упомянутого выше «города Ярослава»: соседние городни уже частично взаимосвязаны, исчезло применение крупных гвоздей, кантованных на 6 граней бревен и т. д. При намеренной насыпке вала примером для зодчих могли быть протяженные укрепления, обратившиеся в реальные валы, а также развалины стен летописного Витичева и городища Заречье на р. Стугне, разоренных феодальными войнами 1015–1018 гг. Уникальность киевского вала оправдана эпохой фортификационного перепутья: Русь отказывалась от византийских канонов и создавала собственную школу оборонительного строительства (Моргунов, 2009. С. 262–265). Нехватка других примеров крепостного строительства этого времени объясняется статистикой летописных упоминаний: появление новых городов притормозило отсутствие внешней опасности в середине XI в.

Во второй половине этого столетия половецкая агрессия инициировала резкий всплеск появления крепостей с более развитым двухрубным защитным комплексом, отделенным от береговых склонов горизонтальными полосками берм. Внешнюю линию составляли городни с плотными материковыми забутовками, а мощность стен порой увеличивали устройством их дополнительного ряда. В свою очередь, внутренний ряд составляли цепочки одновременно рубленных с городнями

⁵ В конце XI – середине XIII в. реплики этого типа также применялись при строительстве крепостных стен городов Центра и Севера Руси.

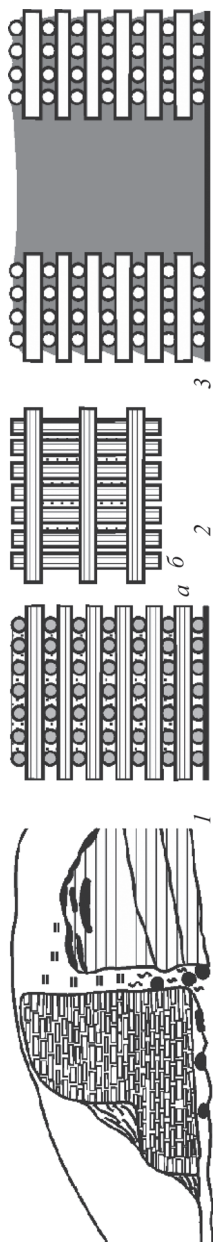

Рис. 4. Понски новые решения киевских зодчих. 1 – Заречье: руины стены с лпцевой сырцовоной кладкой (по П. А. Раппопорту); 2 – однорядная стена крюкового строя (а – разрез; б – план); 3 – разрез двухрядной стены с внутренней засыпкой (по М. П. Кучере)

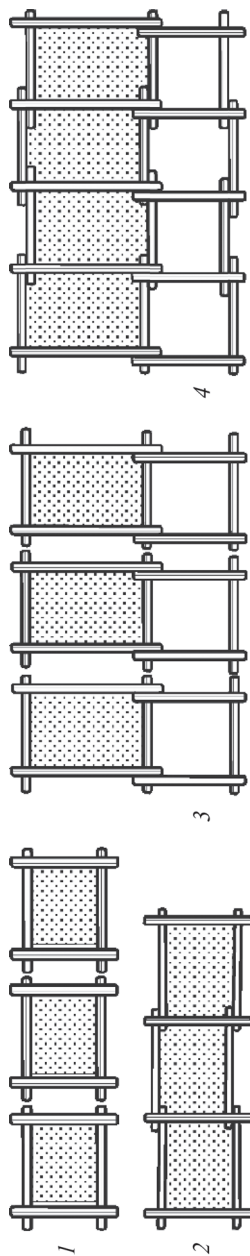

Рис. 5. Схемы срубных стен. 1 – цепь не взаимосвязанных городней; 2 – взаимосвязанные городней; 3 – частично взаимосвязанная цепь из пар внешних засыпных городней и полых внутренних клеток; 4 – череда взаимосвязанных городней с внутренними клетями

полых помещений, которые в литературе принято называть клетями. В этих парах клетки служили складскими и резервными помещениями, но встречаются и надежные печами жилые. Это классический тип защитных устройств домонгольского времени, хотя на городищах, размещенных на мысах с крутыми склонами, роль стен порой играли цепочки из полых клеток.

В ходе полевых исследований разного уровня применяется множество индивидуальных методических разработок. Целью раскопочных мероприятий является получение исчерпывающе полных исторических сведений о памятниках. Меньше требований к информации, которую ожидают от разведочных изысканий, но и она должна содержать ответы на ключевые вопросы. Это описание объекта и поиски его места на широкой хронологической шкале Древней Руси путем сбора подъемного материала, если это вообще возможно, зачистки обнажений и прирезки к ним, а также отнюдь не одноразовая шурфовка, если обнажения отсутствуют. Приложение несколько более серьезных усилий также позволяет более или менее убедительно установить и время огораживания поселения крепостными стенами.

Возможности разведочных изысканий

Переходя к этому разделу, приходится начинать с парадокса. Казалось бы, укрепления для того и создавали, чтобы защитить население или его часть от внешней опасности. На самом деле давно замечено, что окруженные валами жилые площадки подавляющего большинства городищ малого и среднего размеров⁶ никогда полностью не были заселены. Поэтому насыщенность напластований городищ этого уровня находками никогда не достигала их концентрации, прослеживаемой на прилегавших селищах или посадах. Обнаружения на площадках богатых находками усадеб и построек в массе можно ожидать только при обследовании городищ значительных и отчасти – средних. Относительно шурфовки опыт показывает, что при всех условиях наиболее населенными были внутренние периметры площадок, поэтому особого смысла в закладке шурфов в их центрах нет.

В этом плане любопытен пример раскопанного на три четверти небольшого (0,18 га) приграничного городища Сампсониев Остров на Суле, где инструментально фиксировались все датирующие признаки. Их анализ показал, что на протяжении века на площадке существовало всего две одновременные жилые зоны, состоявшие из одного дома и 3–4-х хозяйственных построек. За пределами зон ожидалось множественные находки инвентаря, терявшегося при скоплении укрывавшегося за крепостными стенами населения. Но это не подтвердилось: очевидно, в случае опасности селяне уходили в ближайшие леса.

⁶ Под малыми городищами понимается подавляющее большинство укреплений, имеющих площадки размерами 0,2–0,4 га и валы высотой до 1–1,5 м. Городища среднего размера – это памятники площадью 0,7–1,0 га с валами высотой до 3 м.

Как упоминалось выше, лучшие результаты для установления времени появления оборонительных сооружений дают допустимые для разведок частичные разрезы валов. Опытным путем были установлены их оптимальные размеры (1×6 м): в большинстве примеров это позволяло трем землекопам провести эту работу за два-три рабочих или световых дня. Закладка траншей осуществляется перпендикулярно оси вала и лучше, если это удастся сделать по сторонам света. Это облегчает фиксацию найденного материала, а остатки стеновых конструкций будут вскрыты в виде, наиболее пригодном для дальнейшего анализа.

На малых городищах траншеи лучше закладывать несколько выше середины внутренних склонов валов: это позволит затронуть остатки городней и оценить их наполнение. На городищах среднего уровня лучше сдвигать их ниже во избежание лишней работы. В любом случае определяющую роль играет близкое к горизонтали основание руин укреплений, перекрывших предшествующие, «догородищенские» напластования⁷. Анализ их вещевого наполнения очень важен: он может восполнять результаты не всегда результативной шурфовки напластований площадки.

Значимостью для датировки вскрытых сооружений обладают чаще встречающиеся венчики гончарной посуды на фоне лепной керамики предшествующих эпох. Глубина их залегания определяется нивелиром или теодолитом, а горизонтальное расположение строится в соответствии с заданной координатной сеткой. По окончании работ каждый венчик по линиям схода транспонируется на лучше сохранившийся вертикальный профиль (рис. 6).

Следует обратить внимание, что попавшая в засыпки керамика утрачивает при-сущие ей датировки. Посуда была изготовлена до сооружения укреплений, успела отложиться в предшествующих напластованиях и только потом вместе с грунтом попала в городни. Исключением могла быть лишь керамика из клетей, если, конечно, они были жилыми.

Порой распознаванию периодизации помогают стратиграфические наблюдения. Так, в валу городища Гаевщина содержались следы укреплений роменской культуры и древнерусского времени. Первоначальным укрытием являлась скрепленная глинистым раствором стена высотой 1,2 м, сложенная из желваков базальтового конгломерата на карбонатном цементе (вулканогенная осадочная порода, часто встречаемая на моренах). Эта стена была перекрыта руинами последующего укрепления неясной структуры. Все наслоения этой хронологической фазы не содержали находок: укрепления строили на необжитом месте. В первой половине XII в. в гребне этого вала были сделаны выемки для установки одного ряда городней со следами пожарища и двумя обгоревшими срубными венцами. Осыпь новых укреплений содержала лепную керамику роменской культуры и немного гончарной рубежа XI–XII вв. (рис. 7). Следовательно, сначала в окрестностях роменского городища возникло открытое

⁷ Поскольку речь идет об остатках укреплений, эти напластования на иллюстрациях не указаны. Этим объясняется и отсутствие на чертежах указаний на материк.

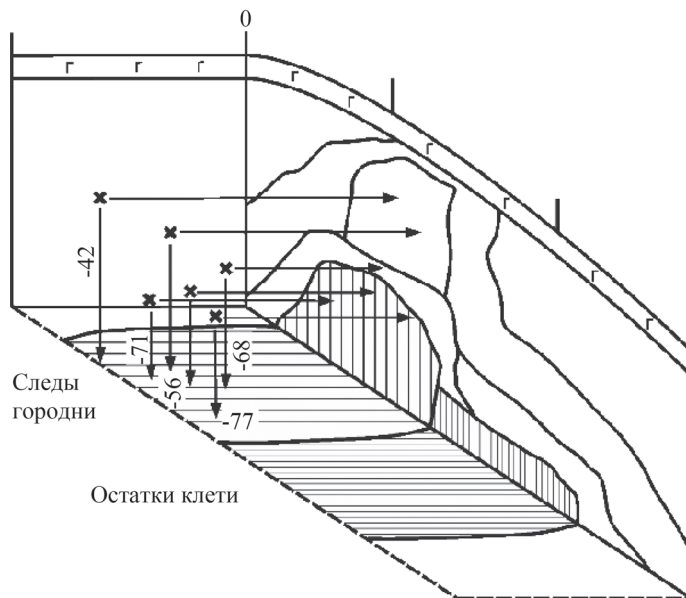

Рис. 6. Инструментальная фиксация находок и их транспонирование на лучше сохранившийся вертикальный профиль траншеи

древнерусское поселение, а затем внешние условия заставили вновь укреплять удобный останец. Густой лес не позволил достоверно уточнить датировку селища, но хронология функционирования двух соседних курганных могильников определенно соответствует двум фазам существования укреплений.

В отдельных случаях достаточно красноречивым может быть профиль зачистки, вовсе не имеющей керамической поддержки. На городище Заречное-2 на р. Ворскле известны материалы роменского и древнерусского периодов. Зачисткой № 3 обнаружилась врезанная в суглинисто-материковый вал более поздняя конструкция (*Берест, Осадчий*, 2001. С. 104; рис. 6, В) (рис. 8). Известно, что в позднероменское время срубные стены действительно появились, но эта стена создавалась в рамках широко распространенного древнерусского двухсрубного стандарта. Таким образом, даже разведочные работы небольшого объема позволили определить существование двух периодов оборонительного комплекса.

Более трудоемким для исполнения в разведках является широкий сбор подъемного материала на распахиваемой поверхности прилегающего к городищу селища. Его результаты во многом превосходят прежнюю эффективность этого вида работ. Основой метода является наблюдение о том, что распашка переворачивает керамику, но далеко ее не разносит. Поэтому инструментальная фиксация больших серий подъемного материала, перенесенных на план поселения, позволяет определить

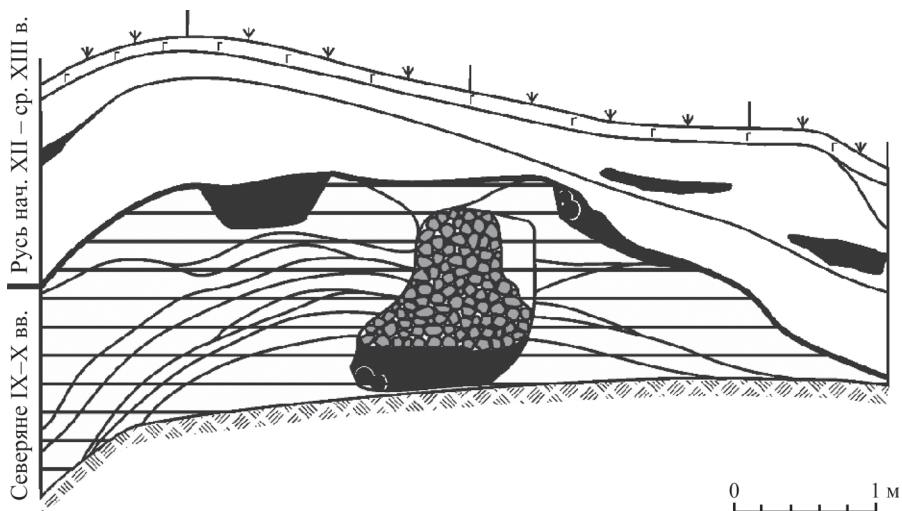

Рис. 7. Городище Гаевщина. Установка древнерусских городней поверх руин укреплений роменской культуры. Заштрихованы остатки северянских укреплений

площади отложений хронологически отличимых керамических групп. Другими словами, это фиксация масштаба и изменения размеров поселения на разных хронологических отрезках его существования.

Существенно, что подобные исследования можно разделить на несколько циклов, периодически возвращаясь на день-два для их продолжения. Для этого по краям поселения (вне зоны распашки) устанавливают постоянные и прочно увязанные с ориентирами и между собой реперы для нивелира или теодолита. Сборами материала могут одновременно заниматься несколько помощников, наделенных бумагой для упаковки и указания номеров находок, – их называет руководитель,

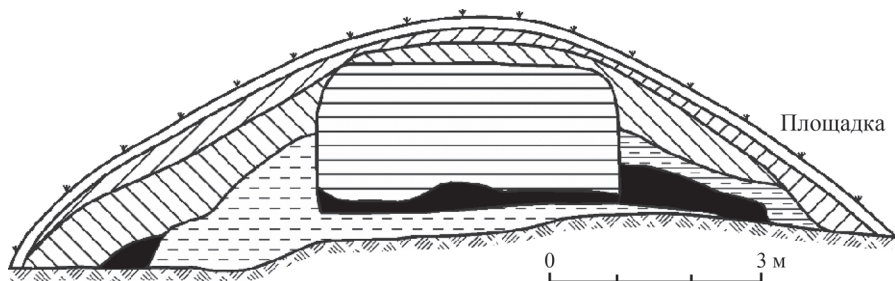

Рис. 8. Зачистка № 3 вала городища Заречное-2. Пример врезки древнерусской стены в вал роменского времени (по Ю. М. Бересту и Е. Н. Осадчому)

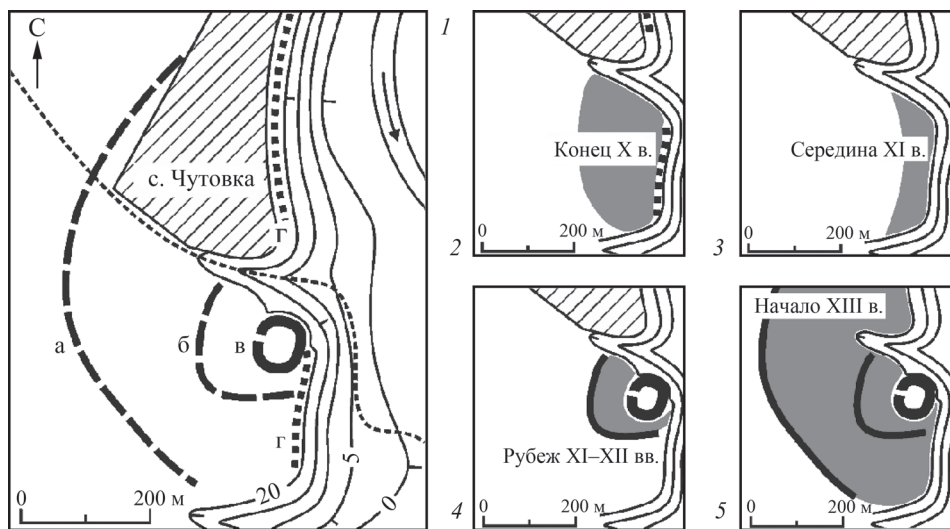

Рис. 9. Стадии заселения археологического комплекса Чутовка по подъемному материалу.

1 – объекты памятника (а – остатки укреплений внешнего посада; б – очертания укреплений внутреннего посада; в – городище; г – линия «змиева вала»); 2 – обширное поселение конца X в.; 3 – сокращение поселения в середине XI в.; 4 – возникновение форпоста с укрепленным посадом на рубеже XI–XII вв.; 5 – расширение открытого поселения и создание в начале XIII в. укреплений внешнего посада

фиксирующий азимут и расстояние до находок. При отдалении ареала поисков от прибора или в следующий заезд нивелир переносится на другой репер, а окончательная обработка полученных материалов производится в камеральных условиях.

В свое время этот метод обрабатывался на многих памятниках, но эталонным объектом стал упоминавшийся выше поселенческий комплекс Чутовка. Он интересен тем, что примыкавшее к маленькому городищу поселение отличалось высокой насыщенностью подъемного материала⁸. Кроме того, на пахоте прослеживаются аномальные следы двух распаханых посадских валов размерами 1,5 и 24 га, отраженные на аэро- и спутниковой съемках (рис. 9). Наиболее ранний массив керамики уложился в очертания сопровождавшего «змиев вал» и контролировавшего твердый брод раннего открытого поселения площадью 5 га. О появлении на Левобережье Среднего Днестра подобных поселков конца X в. ранее не было известно; этот метод предоставил возможность их обнаружить в убедительных количествах. К середине XI в. площадь отложения керамики сильно сократилась: заселение сконцентрировалось узкой полосой вдоль края образованного оврагами мыса. В этот

⁸ В настоящее время памятник, похоже, разграблен: через сайты интернета продаются сотни находок, в том числе и серебряники Владимира Святославича.

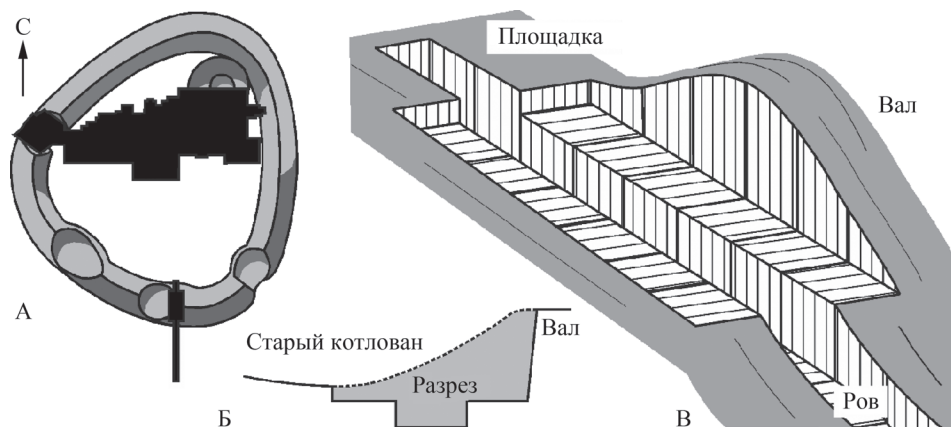

Рис. 10. Снепород: выбор места для разреза вала. А – схема раскопок на городище; Б – расположение разреза на склоне нарушения вала; В – аксонометрия разреза: вид с юга

относительно безопасный период приток на Левобережье владимировых «мужей лучших» прекратился, а оставшиеся колонисты осваивали более удобные для проживания урочища: синхронные поселки появились у подножия мыса и на пойменных всхолмлениях. На рубеже XI–XII вв. на мысу была построена крепость со столь же небольшим укрепленным посадом. Возникшее позже селище к середине XII в. достигло размеров раннего открытого поселения и начало превышать его за счет расширения жилой зоны к северу от оврага. Оно продолжало увеличиваться и к началу XIII в. было обнесено второй, внешней, линией укреплений (Моргунов, 2009. С. 216–218. Рис. 100). Таким образом, исследовательские объемы разведки, состоявшей из частичного разреза вала и сборов подъемного материала, сложились в обоснованную картину хронологии существования комплекса. Правда, на сборы и фиксацию керамики потребовалось еще два кратких заезда, но они делались во время установки полевого лагеря для раскопок другого памятника.

Стационарные исследования не в пример более информативны

Примером остатков двухрубной стены могут служить следы ее слагающих в разрезе вала летописного г. Снепорода на Суле, вероятно, созданного около 70-х годов XI в.

Во избежание излишней порчи валов раскоп для его изучения размерами 12×6 м был заложен на склоне старого нарушения⁹ (рис. 10). Работа проводилась в три этапа. Сначала насыпь послойно снималась до уровня погребенной почвы. Затем

⁹ Вероятно, котлован является результатом любительских раскопок писателя, этнографа и публициста А.С. Афанасьева-Чужбинского, владевшего и археологической коллекцией (1816–1875 гг.). Он производил раскопки расположенных неподалеку курганов, а в материке под котлованом обнаружены следы неровной траншеи.

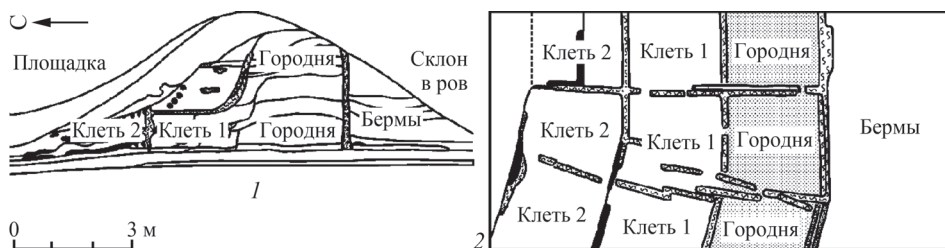

Рис. 11. Разрез вала Снепорода. 1 – схема профиля вала; 2 – план на уровне третьего строительного периода

через середину раскопа была заложена траншея шириной 2 м через часть напластований площадки и ров. На последнем этапе вертикаль разреза была подрезана до 80° и подверглась консервации недорогим водорастворимым поликомплексом, не меняющим естественной окраски грунта. Обильно пропитанная при помощи ранцевого распылителя стенка хорошо сохранялась на протяжении первых девяти лет. И только осмотр, произведенный через 22 года после консервации, зафиксировал осыпание верхней кромки разреза (Моргунов, 2009. С. 27, 28).

Судя по профилю вертикальной бровки, под внешним склоном вала скрывалась изначально ровная полоса бермы, препятствовавшая подвижке конструкции в направлении рва (рис. 11). В процессе каждого обновления стен («строительного периода») на нее сбрасывали часть отслуживших и более сыпучих субструкций и выравнивали их до горизонтали. Таким образом, каждое обновление укреплений приводило к повышению уровня бермы. А поскольку после определенного уровня ров перестали углублять, этот пассивный защитный эффект достигался за счет возвышений уровней берм. В свою очередь, активным становилось увеличение высоты стены. Нередко рядом с городнями зачистки берм обнаруживали полосы скопления чешуйчатых известковых частичек: они похожи на следы множества циклов противопожарных побелок внешних фасов стен¹⁰. В последующие века естественная усадка и размывание приводили к диагональному сглаживанию склона.

В плане городни на прямолинейных участках стен имели прямоугольные очертания, а на их изгибах приобретали контуры трапеций. Несмотря на серию перестроек, внешний фас городней вплоть до гребня сохранял вертикаль, обозначенную древесным тленом и углями. В процессе всех реконструкций в забутовках городней прослежены известковые разводы: это свидетельство уплотнения их материковых составляющих в увлажненном состоянии. В засыпках преобладал материковый суглинок. Около середины XII в. появились и засыпки из более рыхлых пород, отличающихся темной цветностью и обилием керамики, в том числе и принадлежавшей

¹⁰ Порой декларируемые в литературе обмазки древнерусских крепостных стен глиной пока не подтверждаются.

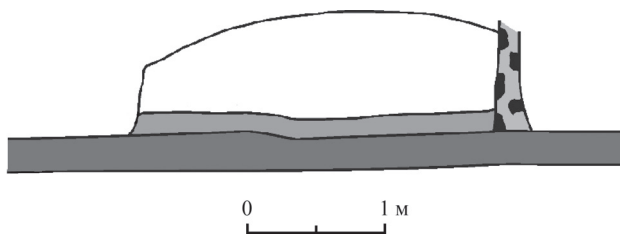

Рис. 12. Снепород: остатки первоначальной стены

ранним эпохам существования поселений. Это свидетельство переноса в забутовку городней культурных напластований площадки: вероятно, подъем материкового грунта из рва стал слишком трудоемким. Одиночные слои засыпок с визуально определяемыми очертаниями или их группы, объединенные аналогичной керамикой, являются следами самостоятельных строительных периодов. Со стороны площадки городни каждого вышележащего цикла с заметным отступом внутрь опирались на плотное ядро предшествующей забутовки. Это приводило к постепенному уменьшению толщины более поздней стены (Кучера, 1999. С. 80–82).

Первоначальная стена Снепорода состояла из одного ряда взаимосвязанных городней. Их нижний, довольно тонкий слой заполнения рыхлый и отличается темной окраской. П. А. Раппопорт было убедительно показано, что цветность ему придавала примесь дерна и предшествующих напластований, попавших в заполнение вместе с материковым грунтом рва (рис. 12). При расчистке одной из городней было сделано наблюдение о древней методике ее засыпки (рис. 13). Сначала сруб

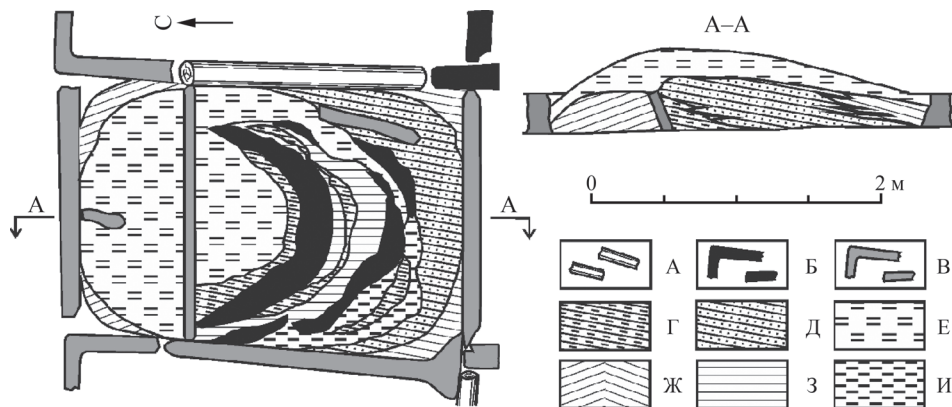

Рис. 13. Снепород: результаты расчистки забутовки городни первоначальной стены.
 А – остатки бревен; Б – обугленное дерево; В – древесный тлен; Г, Д – слоистые суглинистые засыпки; Е – обожженная глина; Ж, З – слои материкового суглинка; И – светло-коричневый суглинок

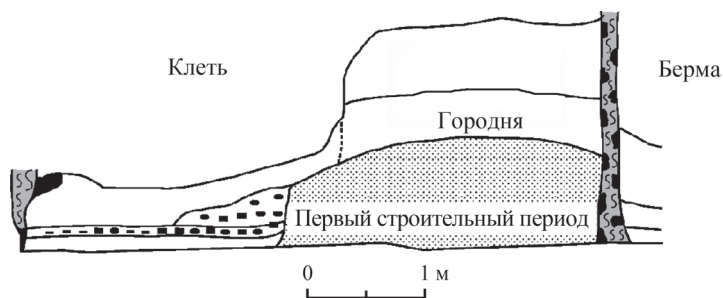

Рис. 14. Снепород: следы укреплений второго строительного периода – первой реконструкции крепостной стены

был разделен на неравные части врубленной в противоположные венцы и лежащей на ребре широкой плахой (?). Поверх нее располагалось возвышение, состоящее из разнородных слоистых субструкций; ранее некоторые из них испытали воздействие огня. В одних прослойках преобладала керамика поздней бронзы, в других содержались измельченные обломки лепной посуды летописных северян. А одна содержала множество фрагментов позднескифской керамики, сложившейся в верхнюю половину горшка. Очевидно, это следы переноса грунта из разных участков предшествующего культурного слоя и засыпки его в сруб. Индивидуальная разборка этих слоев показала, что объем каждой из таких «порций» насчитывал от одного до полутора современных 8-литровых ведер (Моргунов, 2012. С. 68, 69).

При реконструкции укреплений на рубеже XI–XII вв. была создана двухсрубная стена: к внешней линии городней была прирублена цепочка полых клеток 1, стены которых имели столбовую конструкцию, типичную для техники выведенных из степей недавних кочевников (рис. 11; 14). Похоже, что изначально бревна этих частоколов вбивали в грунт, но позже начали вкапывать. Около середины XII в. линию клеток 1 засыпали и разровняли: со стороны площадки к ним была пристроена клеть 2 (рис. 11; 15). При анализе керамики из сопровождения клеток обращает на себя внимание ее значительное количество. Это создает обманчивое впечатление о жилом характере построек, но их размеры для этого слишком невелики.

На заключительном этапе существования крепости устройство укреплений было упрощено до одного ряда городней (рис. 11). В середине XIII в. захватчики не осаждали крепость: защитники ее покинули, и руины со временем обветшавших укреплений перекрыли клеть 2. В дальнейшем городище не заселялось: этим объясняется его блестящая сохранность (Моргунов, 2012. С. 66–77). Естественно, столь полную картину удастся проследить далеко не всегда, чаще наблюдается ее урезанный вид. Аналогией Снепорода по мощности и сохранности остатков является городище разрушенного в 1240 г. летописного г. Колодяжина на р. Случь. В профиле его разреза также прослеживалось множество прослоек разной мощности,

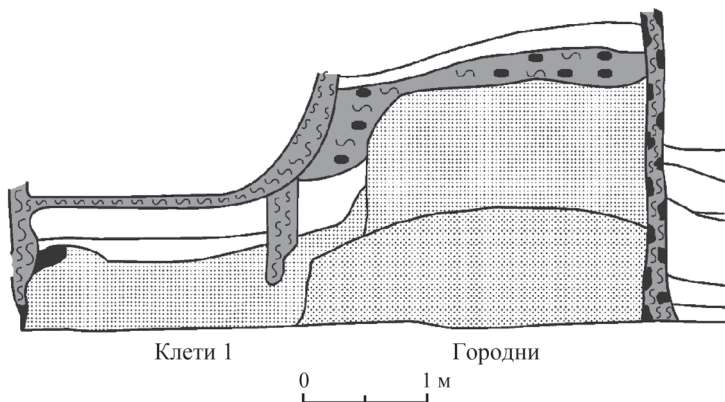

Рис. 15. Снепород: второе возобновление стены (третий строительный период) и керамика из заполнения клетки и прилегающих к укреплению напластований площадки

но публикаторов более интересовали остатки в то время плохо изученных внутренних клеток. В результате нам остается довольствоваться неполной картиной характера укреплений (Юра, 1962. С. 60, 61) (рис. 16).

В заключение хотелось бы обратить внимание на необходимость расширения подобных раскопов в направлении площадки: сочетание ее напластований и объектов с материалами разреза вала, несомненно, углубляют оценку хронологии

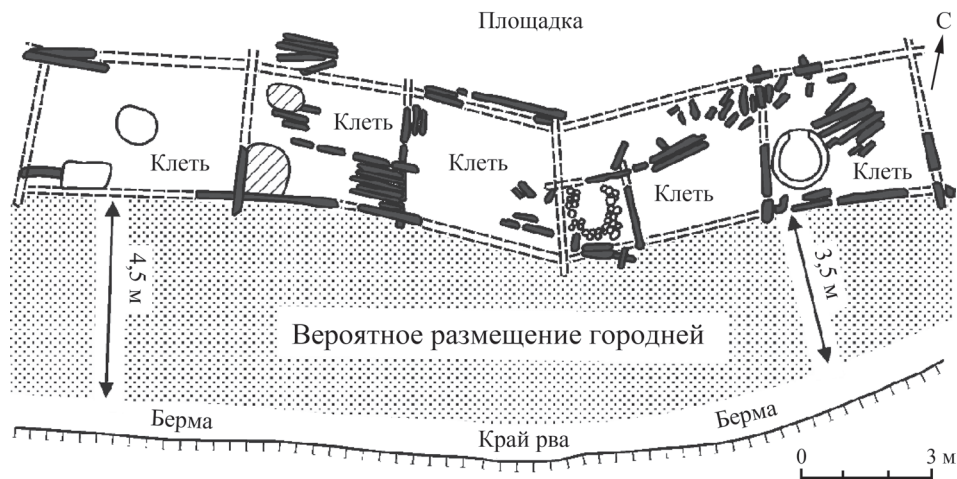

Рис. 16. Летописный г. Колодяжин. Фрагмент остатков укреплений (по Р.А. Юре)

и особенностей существования памятников. В качестве незавершенного примера можно привести бывшие раскопки городища Новгорода-Северского, где в разрезе вала были прослежены два протяженных глинисто-древесных шлейфа, оставшихся от двух реконструкций укреплений. Таким образом, мощные напластования, датирующиеся практически всей протяженностью XI века, стали закрытым комплексом. А. В. Куза собирался в следующем сезоне расширить этот участок для уточнения хронологии керамики этого до сих пор загадочного периода. Но не успел, а его научных наследников интересовала иная проблематика. Схожим образом на площадке среднего по величине (1 га) Липинского городища на р. Сейм за пределы вала почти на 20 м выходила сужавшаяся полоса древесного тлена от строительного мусора. На площадке она достоверно разделила напластования роменского и древнерусского периодов и показала, что на последнем этапе укрепления использовались лишь как нежилое убежище.

В данном пособии только намечены результаты некоторых методических наблюдений. Несомненно, они нуждаются в дальнейшем углублении на более обширных материалах.

Литература

- ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку / Под ред. Е. Ф. Карского М.: Языки славянской культуры. 2001. 496 с.
- ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. / Под ред. А. А. Шахматова. М.: Языки славянской культуры. 2001. 938 с.
- Берест Ю. М., Осадчий Є. М.*, 2001. Нові дані про дослідження Шпилівського та Заріченського археологічних комплексів // АЛЛУ, № 1. С. 103–106.
- Борисевич Г. В.*, 1987. Сооружения городища Слободка // В кн.: Никольская Т. Н. Городище Слободка XII–XIII вв. / Отв. ред. Л. А. Голубева. М.: Наука. С. 180–183.
- Куза А. В.*, 1996. Древнерусские городища X–XIII вв. (свод археологических памятников) / Отв. ред. А. К. Зайцев. М.: Христианское изд-во. 256 с.
- Кучера М. П.*, 1969. Про один конструктивний тип давньоруських укріплень в Середньому Подніпров'ї // Археологія. Т. 22. С. 180–195.
- Кучера М. П.*, 1987. Змиєвы валы Среднего Поднепровья / Отв. ред. И. И. Артеменко. К.: Наук. Думка. 208 с.
- Кучера М. П.*, 1999. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем / Отв. редактор А. П. Моця. К.: ИА НАНУ. 252 с.
- Моргунов Ю. Ю.*, 1996. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск: Курский гос. обл. музей археологии. 160 с. (Материалы и исследования по археологии Днепроовского Левобережья. Вып. 2).

- Моргунов Ю. Ю.*, 2008. Некоторые наблюдения о «внутриривальных каркасах» домонгольских укреплений // КСИА. Вып. 222. С. 85–90.
- Моргунов Ю. Ю.*, 2009. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Наука. 302 с.
- Моргунов Ю. Ю.*, 2011. Оборонительные валы и стены X–XIII вв. по летописным источникам // РА, № 1. С. 97–105.
- Моргунов Ю. Ю.*, 2012. Летописный город Снепород и его округа X–XIII вв. / Отв. ред. А. В. Чернецов. СПб.: Изд-во филологического ф-та СПбГУ. 252 с. (Серия «Archaeologica Varia»). .
- Моруженко А. А.*, 1975. Оборонительные сооружения городищ Поворскля в скифскую эпоху // Скифский мир / Под ред. А. И. Тереножкина. К.: Наукова думка. С. 133–146.
- Моруженко А. А.*, 1985. Городища лесостепных племен Днепро-Донецкого междуречья VII–III вв. до н. э. // СА. № 1. С. 160–178.
- Раппопорт П. А.*, 1953. Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцовый кладки // КСИИМК. Вып. 52. С. 17–24.
- Раппопорт П. А.*, 1954. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII века // КСИИМК. Вып. 54. С. 180–186.
- Раппопорт П. А.*, 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л.: изд-во АН СССР. 184 с. (МИА, № 52).
- Юра Р. О.*, 1962. Древний Колодяжин // АП УРСР. Т. XII. С. 57–130.

Сокращения

АЛЛУ	– Археологічний літопис Лівобережної України
АП УРСР	– Археологічні пам'ятки УРСР
ИА НАНУ	– Институт археологии Национальной академии наук Украины
КСИА	– Краткие сообщения института археологии РАН
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей

Обобщение опыта в изучении валов лесной и лесостепной зон Восточной Европы: конкретные рекомендации

В последние десятилетия получен значительный опыт исследования валов как на городищах Южной Руси (работы Ю.Ю. Моргунова на городищах Посулья и Г.Ю. Ивакина в Киеве), так и в других регионах Руси – на Новгородском (Рюриковом) городище (раскопки Е.Н. Носова), Труворовом городище в Изборске (*Лопатин*, 2012; 2016), в Ярославле (*Энговатова*, 2012), Старой Рязани (*Стрикалов*, 2011) и Ростиславле Рязанском, причем в последнем случае были изучены как остатки стены средневекового города, превратившиеся в вал (*Коваль*, 2015), так и насыпной вал городища раннего железного века, постоянно подсыпавшийся и наращивавшийся вширь и вверх на протяжении 200–300 лет во второй половине I тыс. до н.э. (*Коваль*, 2011; 2012). Важные данные о насыпных валах городищ раннего железного века в Среднем Поволжье предоставили также весьма тщательные исследования А.А. Чижевского (*Чижевский и др.*, 2016). Весь этот новый опыт показал, что методы, практиковавшиеся в свое время П.А. Раппопортом, вскрывавшим края валов или прорезавшим их частично (не на всю длину и не на всю глубину, т.е. не до материка), узкими траншеями без снятия горизонтальных планов, устарели, и их дальнейшее использование недопустимо. В результате был сделан вывод о необходимости исследования средневековых валов фактически по той же методике и с той же тщательностью, как и при раскопках поселений, т.е. с фиксацией пластовых планов и максимального числа разрезов.

Близкую методику раскопок укреплений раннесредневекового времени применил и И.И. Еремеев при исследованиях вала Городка на Маяте (*Еремеев, Дзюба*, 2010. С. 153–219), где благодаря ей удалось выявить перекладную конструкцию стены, возведенной в VII в. н.э. В дальнейшем при прорезках вала и рва Болгарского городища в 2014–2015 гг. (*Коваль, Русаков*, 2018) и городища Уччакар в 2013–2016 гг. (*Журбин и др.*, 2018), осуществлявшихся с учетом обозначенных выше требований, правильность новой методики снова подтвердилась. В первом случае было надежно установлено, что вал города Болгара, созданный в XIV в., представлял собой насыпь без малейших следов «внутривальных конструкций», во втором – несмотря на сильнейшую разрушенность фортификационной линии (вал полностью спланирован, ров засыпан), удалось зафиксировать следы городской и установить, что укрепления мысовой части городища состояли из стены и рва.

В результате синтеза полученного нового опыта основные методические требования к исследованию древних валов на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы, могут быть сформулированы следующим образом:

1) Раскопки валов целесообразно проводить горизонтальными пластами по 10 см (при супесчаном грунте) или 20 см (при суглинистом) с фотофиксацией каждого пласта. Графическая фиксация может проводиться с интервалом 20 или 40 см (в зависимости от информативности конкретной ситуации). В случае обнаружения сохранившихся конструкций из дерева (в т.ч. обугленного), сырца, камня) желателен переход на расчистку таких конструкций по всей площади вскрытия, т.е. переход на послойные исследования. При этом после разборки расчищенных конструкций пластовая фиксация должна быть продолжена с сохранением выше обозначенного интервала глубин. В остальных случаях более эффективны вскрытия горизонтальными пластами по всей площади вала.

2) Ширина траншеи, разрезающей вал, желательна не менее 6 м, причем она должна закладываться строго перпендикулярно оси вала. Весьма полезно последующее расширение траншеи до 8–10 м (в зависимости от высоты вала) для получения более полной информации о конструкциях, обнаруживаемых в валах, или данных о внутренней структуре насыпей, а также дополнительных разрезов вала. В случае большой высоты и рыхлости грунта, слагающего вал, с целью обеспечения безопасности работающих, после прохождения каждые 1,5–2 м в глубину и фиксации вертикальных профилей рекомендуется подрезать стенки траншеи для преобразования их в откосы, угол наклона которых определяется на каждом объекте индивидуально.

3) Кроме поперечных разрезов, весьма информативны продольные разрезы вала, которые дают возможность лучше понять структуру вскрываемых толщ. Это предполагает проведение прорезки вала не сплошной траншеей, а по частям: оптимально проводить один такой разрез приблизительно по оси вала. Такой подход особенно предпочтителен для валов, не содержащих хорошо сохранившихся деревянных, сырцовых и каменных конструкций, т.е. представляющих собой насыпи. Он позволяет выяснять последовательность залегания отдельных прослоек этих насыпей.

4) Вал должен прорезаться полностью, до материка, на всей его ширине. Структура материка под валом также имеет важное значение для понимания формирования фортификационного сооружения, поэтому он должен прокапываться на необходимую для формирования этого понимания глубину: она может различаться, но все же не может быть менее толщины погребенной почвы (и погребенного культурного слоя, если он отложился поверх нее).

5) Вместе с валом должна проводиться прорезка рва, причем также на всю его ширину, захватывая противоположный склон (контрэскарп) и площадку за ним. Разборка заполнения рва может проводиться разными способами. В том случае, если ров в значительной степени засыпан (спланирован), целесообразно изучать его горизонтальными пластами, т.е. аналогично валу. Если же ров не затянут грунтом и хорошо выражен в рельефе, удобнее вести раскопки по слоям, однако дно рва при значительной его ширине все же желательно исследовать горизонтальными пластами, позволяющими четко фиксировать порядок залегания прослоек. Прокапывание материка на дне рва **ОБЯЗАТЕЛЬНО**, причем на глубину не менее 40–50 см, поскольку заплывы материкового грунта тут могут быть весьма значительными, скрывающими

наиболее углубленные части, которые бывает трудно зафиксировать при обычных зачистках. Необходимо также прокапывать материк по склонам рва вдоль хотя бы одной из стенок разреза. Это позволяет определить: первоначальный профиль поверхности рва (или поверхность, сформировавшуюся в результате в результате размыва и оплывания склонов); мощность и порядок отложения оползней на склонах рва, а главное – надежно зафиксировать поверхность материка, поскольку оползни и намывы на склонах рва очень сложно отделить от неповрежденного материка.

6) В ходе исследований вала и рва вещевые находки, керамику и прочий материал следует отбирать не по пластам, а по слоям и прослойкам. При попластовом вскрытии это означает, что в ходе разборки каждого пласта следует отбирать материал из каждой встреченной в этом пласте прослойки, именуя (или нумеруя) эти прослойки так же, как они были поименованы (пронумерованы) в вышележавших пластах. Это позволяет после завершения работ суммировать материалы, обнаруженные в разных пластах, но относящиеся к одной и той же прослойке.

7) Прорезка вала (и рва) должна завершаться его восстановлением (за исключением тех редких случаев, когда работы ведутся на месте будущего строительства). При восстановлении вала засыпки при помощи механизмов недостаточно – должна проводиться трамбовка грунта (любыми доступными способами), а если возможно – то и проливка водой. Совершенно необходимо восстановить дерновый покров вала и рва: для этой цели необходимо в начале работ аккуратно срезать дерн квадратами размером 20×20 или 30×30 см, складывая их в стороне от места проведения работ, для соблюдения сохранности. Разумеется, при наличии достаточного финансирования, можно обойтись без сохранения дерна, закупив рулонную дернину у озеленителей.

Таким образом, изучение валов эпохи раннего железа и Средневековья на территории Восточной Европы показало, что среди них имеются как насыпные валы, так и остатки древо-земляных стен (вертикальных преград). Для средневековой русской фортификации были характерны именно вертикальные преграды, тогда как в догосударственную эпоху фортификация ограничивалась примитивными насыпями с легкими оградами по их гребню, что соответствовало уровню развития военного дела и численности враждовавших коллективов в тот период. Насыпи, как фортификационные сооружения, в эпоху Средневековья продолжали использоваться в лесостепной зоне (в частности, в Волжской Булгарии), где практиковался иной (нежели в лесной зоне) тип ведения военных действий и применялась иная система обороны – нацеленная на противодействие атакам конницы (*Коваль, 2018*). С той же целью они продолжали использоваться и позже – в «засечных чертах» Русского государства XVI–XVII вв. и в Царицынской сторожевой линии, выстроенной в 1718–1720 гг.

При следовании предлагаемой методике надо также учитывать, что при строительстве древо-земляных стен в разных регионах и в различное время могла использоваться как срубная, так и перекладная техника. Яркими примерами последней

выступают упомянутая стена Городка на Маяте (работы И. И. Еремеева) и «Змиевы валы» Южной Руси, исследовавшиеся в свое время М. П. Кучерой (1987) и проанализированные Ю. Ю. Моргуновым.

Таким образом, установить, чем является тот или иной «вал» – искусственной насыпью или руинами вертикальной древо-земляной стены, возможно только в случае строго соблюдения перечисленных выше методических требований.

Литература

- Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.*, 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История. 670 с.
- Журбин И. В., Антипина Е. Е., Иванова М. Г., Лебедева Е. Ю., Модин Р. Н., Сергеев А. Ю., Яворская Л. В.*, 2018. Междисциплинарные исследования Кушманского городища Учкакар IX–XIII вв.: методика комплексного анализа. М.: Таус. 248 с.
- Коваль В. Ю.*, 2011. «Ростиславльский курган» (вал городища раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосквья. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 35–58.
- Коваль В. Ю.*, 2012. Фортификация Ростиславльского городища раннего железного века в контексте памятников дьяковской культуры // Археология Подмосквья. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 53–69.
- Коваль В. Ю.*, 2015. Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского // РА. № 1. С. 73–87.
- Коваль В. Ю.*, 2018. Фортификация как отражение системы организации обороны (по материалам лесной зоны Восточной Европы X–XV вв.) // Археология евразийских степей. № 5. Казань. С. 182–185.
- Коваль В. Ю., Русаков П. Е.*, 2018. Исследования фортификации города Болгара в 2014–2015 гг. // Материалы и исследования по археологии Болгара. Т. II. Казань: Институт археологии АН РТ, Институт археологии РАН. 160 с.
- Кучера М. П.*, 1987. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев: Наукова думка. 204 с.
- Лопатин Н. В.*, 2012. Изборск // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности севера. С. 122–137.
- Лопатин Н. В.*, 2016. О крепостных сооружениях Изборска начала XIII в. // РА. № 1. С. 123–130.
- Стрикалов И. Ю.*, 2011. Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 109–132.
- Чижевский А. А., Черных Е. М., Хисясетдинова А. А., Митряков А. Е., Спиридонова Е. А., Кочанова М. Д., Алешинская А. С.*, 2016. Скорняковское городище на Вятке // Археология евразийских степей. Вып. 22. Казань: ЗАО Издательский дом Казанская недвижимость. 156 с.
- Энговатова А. В.*, 2012. Археология древнего Ярославля. М.: ИА РАН. 295 с.

Научное издание

Моргунов Юрий Юрьевич

К методике изучения валов древнерусских городищ

Редактор: Н. В. Бельченко
Верстка: В. Б. Степанов
Оформление обложки: Н. С. Сафронова

Подписано в печать 22.03.2019. Формат 70×90/16
Усл.печ. л. 2,34. Уч.-изд. л. 2,5.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 200 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: +7 (4872) 49-73-73, +7 (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, aquarius-press@mail.ru

ISBN 978-5-94375-273-5

9 785943 752735